

Фу Гэ даже покрасил волосы перед поездкой.

Изначально каштановые пряди теперь отливали грязно-розовым, лениво спадая на плечи мягкими волнами. Когда он склонял голову, передние волосы мягко падали на лицо, и он небрежно убирал их назад, разделяя на прямой пробор. Это лишь подчёркивало нежную, почти прозрачную кожу маленького беты, делая его ещё более живым и задорным.

Как облако белоснежной ваты, сверкающее радужными бликами.

Пока чья-то жизнь медленно угасала, кто-то другой возвращал себе утерянную жизнерадостность.

Пять лет назад или пять лет спустя — казалось, они всегда будут пожирать друг друга.

Когда Ци Хань увидел новый цвет его волос, то замер с лёгкой улыбкой, осторожно коснулся висков и внимательно взгляделся, прежде чем с искренним восхищением сделать вывод:

— Красиво, малыш. Ты похож на розового оленёнка.

Фу Гэ привстал на носки и прижался к нему, его волосы обвивали пальцы альфы мягкими кольцами. Он весь был тёплым и уютным, словно чашка молочного чая с красной фасолью. Голос звучал мягко и чуть хрипловато:

— Тогда мистер Медведь готов отправиться в новое путешествие с оленёнком-гидом?

Ци Хань наклонился и коснулся его губ:

— Для меня это честь.

Их путешествие, полная противоположность тому, что было пять лет назад, теперь полностью лежало на плечах Фу Гэ.

В десять утра зелёный поезд медленно прибыл в Литанг. Их первой остановкой стала древняя деревня Цяньцзан.

Ци Хань, держа чемодан в одной руке, второй придерживал прыгающего от радости маленького бету.

Розовые волосы Фу Гэ привлекали слишком много внимания, и сами они с Ци Ханем выглядели как пара, на которую невозможно не обернуться. Когда альфа мягко поправил выбившуюся за ухо прядь, он и правда напоминал степенного, зрелого мужчину с любопытным и шаловливым

партнёром.

Фу Гэ был полон энтузиазма с самого начала поездки, и стоило Ци Ханю отвлечься на звонок, как маленький бета уже успел куда-то исчезнуть.

Только он повернулся — и тут же получил конфету в рот.

— На, попробуй, — Фу Гэ надул одну щёку и неразборчиво пробормотал: — Девушка, что продавала их, сказала, что внутри ячмень. Мелкие зёрнышки, хрустят приятно.

Ци Хань с нежностью смотрел, как он уплетает сладости. Пальцами мягко надавил на его надутую щёку, словно проверяя:

— Только сошёл с поезда, а уже налёг на сладкое.

Фу Гэ прищурился, бросил на него укоризненный взгляд и быстро перекатил конфету на другую сторону. Ци Хань, совершенно не собираясь отставать, тут же последовал за ней, мягко нажимая на щёку — откровенно дразня и не давая спокойно доесть.

Фу Гэ фыркнул и, надувшись, чуть прикусил его палец:

— Ты такой зануда.

— Вовсе нет, — Ци Хань наклонился к его уху, шепча умиротворяющим тоном: — Зная, как ты любишь сладости, я бы и свою конфету отдал...

Фу Гэ вдруг поморщился, словно что-то почувствовал:

— Стой, подожди... Этот вкус... Там ещё какой-то орех? — его глаза вдруг расширились: — Ах! Это же грецкий орех!

Альфа мгновенно побледнел. Он страдал от тяжёлой аллергии на грецкие орехи.

— Быстро выплюни, ты не можешь это есть! — Фу Гэ лихорадочно зашарил по карманам в поисках салфеток, но ни бумажки, ни урны поблизости не оказалось.

Ци Хань, держа во рту уже надкушенную конфету, выглядел совершенно растерянным. Если аллергия начнётся сейчас, их планы на следующие пять дней полетят к чертям.

— Ничего страшного, малыш. Давай просто найдём урну и... —

Он не успел договорить. Мягкие губы вдруг прижались к его губам, и Фу Гэ, встав на носки, забрал конфету прямо изо рта.

Терпкая горчинка грецкого ореха тут же разлилась по небу, а его губы блестели влажным светом.

Альфа явственно ощутил, как мягкий язык заскользил между его губ, как ресницы любовника нежно касались его кожи, подобно крыльям бабочки.

— Я съел её за тебя... — кончики ушей Фу Гэ вспыхнули алым. Он стоял, опустив голову, как маленькая птичка, смущённый и до боли милый.

Сердце Ци Ханя, казалось, ухнуло вниз, словно маленький медвежонок сорвался в бочку с мёдом. Считая тот танец, это уже был третий раз, когда Фу Гэ целовал его сам.

Неважно, было это для «сюжета» или по велению чувств — этого было достаточно, чтобы сердце сжалось.

— Малыш, есть ещё? — спросил Ци Хань.

Фу Гэ моргнул:

— Что?

— Конфета.

— О... — Фу Гэ порылся в маленьком нагрудном кармашке и достал оттуда несколько конфет. — Вот здесь.

Ци Хань тут же сгреб все конфеты себе, крепко обхватил его запястье и уверенно повёл в неизвестный переулок.

— А Хань? Мы куда? —

Фу Гэ подумал, что тот просто ищет урну, чтобы выбросить конфету, и даже немного расстроился. Бормотал недовольно:

— Но я же так люблю эти конфеты... Ну хоть парочку мне оставь.

— Я тоже люблю, — не моргнув глазом, заявил Ци Хань.

— А? Ты же ведь на них аллергичен.

Не успел договорить, как Ци Хань совершенно невозмутимо развернул одну из конфет и отправил её в рот. Он склонил голову с лёгкой усмешкой:

— Да, у меня аллергия.

Так что, пожалуйста, помоги брату и съешь её за меня.

Фу Гэ: «...»

Эта не запланированная комбинация действий настолько ошеломила маленького бету, что он лишь хлопал глазами, а через мгновение лицо его залилось жарким румянцем. Он смущённо ткнул пальцем в кадык альфы:

— Ты... Ты только не раскусывай её, там же орехи!

Ци Хань выглядел откровенно подлым:

— Если ты мне не поможешь, я действительно её раскушу. И тогда уж пусть аллергия раздует меня до размеров медведя.

Фу Гэ сдавленно пискнул, ткнулся лбом ему в грудь, подозрительно покрутил головой по сторонам, проверяя, нет ли поблизости людей, и только тогда, привстав на носки, осторожно придвинулся ближе.

— Только одну! — предупредил он сердито.

Ци Хань сжал губы в лукавой усмешке:

— Сам заberi.

Второй поцелуй был ещё более решительным. Как только мягкий язык проник между губ, Ци Хань тут же поймал его, дразня и переплетаясь.

Тихие стоны, полные смущённого ропота, каскадом проникали в уши. Маленький бета попытался инстинктивно отстраниться, но сильная рука альфы тут же обвила его талию, не давая уйти.

— Мм... А Хань... — Фу Гэ попытался несмело оттолкнуть его, но лишь оказался в ещё более крепких объятиях.

Ци Хань аккуратно придержал его за подбородок, вынуждая шире раскрыть рот, и медленно передал конфету:

— Не убегай, ещё не доел.

Да какое там «есть конфету»! Это выглядело так, словно он собрался слопать самого Фу Гэ целиком.

Сладкий привкус грецкого ореха и мелкие зерна ячменя растекались по языку, а жадный язык альфы скользил так глубоко, что касался нёба и зубов, оставляя за собой горячие следы.

Ци Хань менял углы, погружаясь всё глубже, а нежные губы Фу Гэ, мягкие, как мармелад, были полностью в его власти, не в силах сопротивляться.

Фу Гэ послушно проглотил раскрошившуюся конфету и тут же, задыхаясь, попытался отстраниться:

— Всё, больше нет.

Ци Хань тихо рассмеялся, его грудь вибрировала от низкого, бархатистого смеха:

— Ладно, не убегай. Больше не целую.

Сказал, но сам не удержался и снова коснулся его припухших губ:

— Прости, малыш, я кажется, совсем их разлюбил.

Фу Гэ надув губы выглядел откровенно обиженным:

— Ты всегда так. Каждый раз они опухают, но ты всё равно кусаешь, пока не прокусишь до крови.

— Такой же нахал, как и раньше.

Ци Хань только покорно кивал, словно маленький медвежонок, которого застукали на горячем. Он сунул оставшиеся конфеты в карман и, склонившись к самому уху Фу Гэ, прошептал, словно горячее дыхание:

— Тогда как насчёт того, чтобы я каждый день кормил тебя по одной?

Фу Гэ фыркнул:

— Не надо.

Но его упрямство тут же улетучилось, стоило губам Ци Ханя заскользить ниже, оставляя горячие поцелуи на кончике уха:

— Мой послушный малыш, как же ты хорошо справляешься...

Их первый поцелуй в путешествии остался в переулках древней деревни Цяньцзан. Ци Хань уже начал мысленно отсчитывать дни до конца поездки.

На обед они нашли местную закусочную. Фу Гэ, кажется, был в восторге от здешней кухни.

Чай из жестяного термоса лился в чашки густой струёй, ароматные лепёшки впитывали горячие капли, а густое карри обволакивало поджаренные кусочки баранины. Каждый укус наполнял рот сочным мясным соком, а сливочный привкус топлёного масла вместе со сладким чаем мягко струился в горло, обволакивая тёплой волной, как шёлковый платок.

Фу Гэ, наверное, мог бы стать отличным фуд-блогером.

Хотя ел он немного, но каждый кусочек смаковал с таким удовольствием, что даже наблюдать за этим было приятно. В его движениях чувствовалась какая-то необъяснимая бережность, будто он относился к еде как к чему-то особенно важному.

Ци Хань не удержался и сделал несколько снимков:

— Это еда такая вкусная или ты уже перестал быть привередой? Раньше ведь терпеть не мог эти специфические ароматы.

Фу Гэ как раз потягивал сладкий чай, оставляя на губах тонкий белый ободок, и, не задумываясь, ответил:

— Теперь уже не перебираю. В те самые тяжёлые два года любое мясо было за счастье...

Эти слова повисли в воздухе. В комнате сразу стало так тихо, что было слышно, как стрелки часов лениво отсчитывают время.

Рука Ци Ханя, державшая телефон, застыла. Глаза мгновенно покраснели, а Фу Гэ...

Фу Гэ смущённо сжал чашку, бросил виноватый взгляд на Ци Ханя, потом опустил глаза,

рассматривая пол:

— Прости... Я не хотел говорить это, чтобы тебе было больно...

Ци Хань горько усмехнулся и отвернулся, пряча влажный блеск в глазах:

— Нет, это я должен извиняться...

Иллюзии так и остаются иллюзиями — как цветы в тумане или луна в воде, которые разлетаются при малейшем прикосновении.

Сколько бы они ни пытались играть счастливую пару, скрывая всё под фальшивой оболочкой, прошлое неизменно просачивалось сквозь трещины, будто отравленные стрелы, угрожая в любой момент нанести смертельный удар.

Фу Гэ никогда не сможет забыть тот зимний ноябрь четыре года назад.

Тогда он только начал возвращать себе память.

Брошенный собственным любовником, доведённый до нервного срыва и потери рассудка, он целый год блуждал в темноте, прежде чем воспоминания стали складываться в единую картину. Но тело уже не выдерживало.

У него началась пневмония, но денег на лечение не было.

Силы не было ни на что — ни на то, чтобы что-то поднять, ни на то, чтобы удержать.

Даже рисовать он разучился. Еле-еле устроился на подработку в кафе — мыть посуду, чистить овощи, убирать кухню. Испытательный срок — месяц.

Фу Гэ был медлительным. От слабости движения выходили неловкими и нескладными, и шеф-повар постоянно придирался к нему.

Тот ненавидел богатых. Узнав, что Фу Гэ когда-то был наследником состоятельной семьи, шеф специально унижал его перед всем персоналом. Каждый раз, когда кто-то заходил на кухню, тот громко комментировал, с ехидной ухмылкой подзуживая:

— А ну-ка, господин наследник, покажите нам, как чистить картошку! Говорят, вы были художником. Интересно, насколько золотыми должны быть руки у богачей?

Фу Гэ тогда было всего девятнадцать. Он не умел красиво отвечать и не знал, как выкрутиться

из ситуации. Поэтому просто молча взял нож и очистил целый таз картошки.

Всё его достоинство было растоптано за этот один месяц.

Но уйти он не мог — ему нужна была зарплата, чтобы оплатить первый этап лечения.

И всё же в итоге этих тысячи юаней Фу Гэ так и не получил.

Тогда в ресторан с проверкой приехал один из крупных акционеров, лично — сам молодой господин Ци. Он сразу же обратил внимание на худого, как щепка, паренька, который выполнял чёрную работу на кухне. Фу Гэ до сих пор помнит его слова:

— Почему этот человек такой худой? Смотрится так, что аж аппетит пропадает. В следующий раз при найме хоть следите за внешним видом сотрудников.

Тогда Фу Гэ был в маске, и Ци Хань его не узнал.

Но из-за этой единственной фразы его уволили накануне дня выплаты зарплаты.

Как последнего нищего его вытолкали через чёрный вход. Фу Гэ задыхался от надрывного кашля, в котором проступали алые капли крови.

Он униженно просил хозяина хотя бы часть заработка, хотя бы за полмесяца:

— Мне нужно лечиться... Пожалуйста, выплатите хоть немного...

В ответ хозяин лишь швырнул ему под ноги картофелину:

— Барская душонка, да на чёрную работу годен? Тебе только картошку чистить и доверять можно!

В тот день лил сильный дождь. Фу Гэ, не зная куда податься, молча прятался под покосившимся навесом у чёрного входа, как призрак, затерявшийся в дневном свете.

Тридцать семь раз он подумывал выйти под колёса ближайшей машины, чтобы всё это закончилось раз и навсегда.

Но на тридцать восьмой, появился Ци Хань.

Элегантный альфа в дорогом костюме, с телохранителями, держащими над ним зонт. Водитель

распахнул дверь, и от входа до машины он прошёл, не намочив ни единой нитки.

Он сел в роскошный автомобиль, один аксессуар которого стоил бы столько же, сколько лечение Фу Гэ. Настоящий небожитель, недостижимый и блестящий.

А Фу Гэ, жалкий, как выброшенная за дверь дворняга, прижимался к грязной стене, дрожа от холода и кашля кровью, смотрел на удаляющиеся огни. И думал: мой А Хань, как же ты красив...

И именно в тот момент он перестал мечтать о спасении.

Он решил, что если уж ему и предстоит спуститься в ад, то он потащит Ци Ханя за собой.

— Прости меня... — Ци Хань крепко сжал его пальцы, глаза покраснели и заблестели от слёз.
— Я знаю, сколько бы раз я ни говорил это «прости», ничего уже не исправить.

— Да, ничего уже не изменить, — безразлично ответил Фу Гэ.

Он мягко выскользнул из его пальцев и опустил глаза, уставившись на рябь на поверхности сладкого чая. Лишь через мгновение губы дрогнули в горькой усмешке.

— Разбитая жизнь, изношенное тело... На что ты надеешься, на что рассчитываешь, что я ещё могу жить как раньше?

Хватит уже тешить себя надеждами. Сколько бы ты ни старался склеить эти осколки, сколько бы ни пытался стереть всю ту грязь, — моё прошлое всё равно останется таким же гнилым и кровавым.

Что тут сожалеть, о чём плакать? Ведь всё это только благодаря тебе, не так ли?

Так что не надо мне твоих извинений. Просто сам попробуй на вкус всё то дерьмо, что мне довелось проглотить.